

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ: СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

Татьяна Бараулина
Билефельд, Германия

Введение

Международная миграция долгое время находилась на задворках социологической дискуссии и имела статус маргинального социального феномена. Она рассматривалась только как один из многих примеров для анализа классической проблемы социологии: интеграции современных обществ. В течение последних десяти лет вместе с пошатнувшимся значением политически и социально консолидированного национального государства исчезла из теоретической дискуссии социологов и проблема общественной интеграции. Миграция приобрела статус особого исследовательского поля. Появились теоретические альтернативы интеграционной парадигме в миграционных исследованиях.

Постулатом социологии интегрированного общества является идея наличия гомогенной, закрытой для чужих национальной культуры и стабильной социальной структуры, которые поддерживают друг друга в состоянии равновесия¹. Из этого постулата логически следует, что международная миграция является причиной или следствием дестабилизации общественного порядка. Миграция нарушает общественное равновесие и часто ведет к социальным конфликтам.

---

¹ Интеграционная парадигма с 50-х годов XX в. стала наиболее распространенным подручным средством социологов для объяснения социальных феноменов, а особенно социальных проблем. К ним относились и международные миграции (см. Т. Парсонс, 1960).

Такой логической связью оперируют практически все ортодоксальные подходы к рассмотрению международных или межрегиональных миграций. В основанных на этой логике исследованиях внимание фокусируется на объяснении вызванных миграцией социальных проблем (от культурного непонимания между мигрантами и местным населением до этнического конфликта). Интеграционная парадигма имплицитно или эксплицитно ориентируется на принципиальную возможность вернуться к утраченному общественному равновесию при помощи политического урегулирования конфликтов или решения социальных проблем.

Альтернативой парадигме интеграции стал социальный конструктивизм, в российской социологической дискуссии чаще всего ассоциируемый с работами Бергера и Лукмана². Локализуя социальный порядок на уровне повседневности, его сторонники усомнились в основном постулате интеграционной социологии, переименовав ее в «контейнерную теорию общества». В миграционных исследованиях конструктивизм предложил отказаться от взгляда на миграцию как социальную или культурную проблему. В фокусе оказались индивидуальные миграционные стратегии, повседневное взаимодействие мигрантов и местного населения, создание новых культурных образцов и социальных практик, не соответствующих ни их прежнему социальному контексту, ни доминирующим традициям принимающего общества.

Итак, если классическая социология игнорировала многомерность миграции и приписывала ей только дестабилизирующую социальную функцию, конструктивистская альтернатива настаивала на изучении многомерности и отказывалась от обобщений «государственного порядка», основанных на иллюзии общественного равновесия.

Несмотря на теоретическую и часто политическую прогрессивность³ конструктивистского подхода, нужно заметить, что от его взгляда ускользает один из определяющих современную миграцию социальных институтов, а именно национальное государство. Нечувствительность к национальным границам роднит социальный конструктивизм с социологией интеграции. Делая ограниченное национальной

---

² См. главу об институционализации у Бергер П.; Лукман Т. (1995).

³ О роли конструктивизма в критической по отношению к миграционной политике России концепции защиты прав человека см.: Расизм в языке социальных наук / Под ред. В.Воронкова, О.Карпенко, А.Осипова. СПб., 2002 (Материалы конференции «Социальные науки, расистский дискурс и дискриминационные практики», проведенной Центром независимых социологических исследований, Центром демократии и прав человека и правозащитным центром «Мемориал» 1–2 декабря 2001 г).

территорией общество отправной точкой анализа, классическая социология выводит за скобки механизмы его воспроизводства, а соответственно и механизмы создания социальных и культурных границ между мигрантами и принимающим обществом. Конструктивизм же, описывающий феномен миграции на уровне повседневных взаимодействий индивидов, рано или поздно оказывается в западне методологического индивидуализма. Обращаясь к индивидуальным жизненным стратегиям, он не достаточно учитывает роль формальных организаций в создании легитимного – т.е. единственно верного в публичной сфере – взгляда на реальность.

Как может быть описана миграция, если не видеть в ней социальную проблему или индивидуальную жизненную стратегию? Как изменится социологический взгляд на миграцию, если сделать национальное государство⁴ центральным объектом социологического анализа? Поиск ответа на эти вопросы лежит в основе последующих размышлений. Прежде всего, рассмотрим *концепцию гражданства*, которая проводит основополагающую политическую границу между своими и чужими в национальном государстве. Эта граница имеет не только символическую, но и социальную, не зафиксированную формальным языком права силу. Данное исследование ставит своей задачей показать *механизмы*, превращающие государственное деление на своих и чужих, в «очевидные» социальные различия.

Одним из наиболее интересных институциональных полей, проводящих легитимные границы между своими и чужими, является миграционная политика. С социологической точки зрения, она не просто реализует интересы государственных акторов или реагирует на внешние влияния. Определяя правила публичной игры, она создает контекст, в котором правила применимы, а также описывает акторов, допускаемых к игре. В рамках действующей концепции гражданства миграционная политика переписывает индивидуальные миграционные биографии в публично распознаваемые карьеры. В зависимости от их символического наполнения они могут быть маркированы как социальный ресурс или стигма.

Анализируя *миграционную политику Германии по отношению к переселению этнических немцев*, мы рассмотрим изменения в концепции гражданства ФРГ и соответственно символическое переопределение миграционных карьер этнических немцев. До конца 1980-х годов переселение этнических немцев вообще не описывалось в терминах международной миграции. Переселенцы не только получали гражданство, но и практически сразу растворялись в категории

---

⁴ Систему формальных организаций, устанавливающих правила действий в различных публичных контекстах.

«население». К середине 1990-х годов в публичном пространстве появляется новая категория мигрантов – «русские немцы», или «поздние переселенцы», а их прибытие на территорию Германии становится «миграцией из стран Восточной Европы». Каким образом и с какими социальными последствиями происходит переопределение переселенцев и переселения в категориях миграции – фокус нашего эмпирического анализа.

В заключение мы вернемся к теоретической дискуссии между интеграционной социологией и социальным конструктивизмом с целью показать силу и слабость национальных границ в конструировании реальности и подробнее очертить те опасности, которые таятся за их игнорированием в социологическом анализе миграции.

Международная миграция и гражданство

«Ибо человек только на основании того, что он – человек, имеет одно единственное право, которое выходит за пределы его разнородных гражданских прав: право на неприкосновенность гражданства, право на то, чтобы не быть исключенным из прав, которые гарантирует его сообщество».

Ханна Арендт

Начиная с греческого полиса гражданский статус – принцип организации политических единиц. Однако только со становлением национальных государств этот принцип стал определять структуру политики⁵. До конца XIX в. гражданство маркировало политически значимых, привилегированных индивидов. Особым категориям подданных гражданство давало право участия в политике и очерчивало тем самым границы политической элиты. Гражданство установилось практически во всех государственных образованиях Европы одновременно с индустриализацией европейских экономик и распространением демократических идей после Французской революции (Grimm, 1983). В индустриальных государствах произошло «опубликование» индивида, освобождение его от лояльности сословию, капиталу и семье. Введение гражданского статуса, оперирующего

---

⁵ Подчеркнем, что мы понимаем гражданство как политический институт – закодированную в правовых нормах систему отношений государства и индивидов. Нормативное определение гражданства как активного участия в политических процессах и гражданском обществе исключаются из нашего понимания гражданского статуса.

критерием лояльности к государству, разрушило традиционные, основанные на примордиальных связях локальные политические контексты. Гражданство стало центральным механизмом политической консолидации национальных государств. В гражданском статусе закрепились принадлежность не только к политическому, но и к национальному сообществу⁶. «Национализация» политического включила в гражданский статус идею о «культурном» индивиде, с родным языком и историческими корнями. Позднее европейские государства нанизывают на гражданство демократический принцип организации политики и специальные социальные права, обеспечивающие институциональную поддержку публичного равенства. Таким образом, в современных национальных государствах через гражданство распределяются как ставшие элементарными основные индивидуальные и политические права, так и принадлежность к национальному сообществу, и возможности социального равенства (Marshall, 1992).

История статуса гражданина, если рассматривать ее с социальной точки зрения, рассказывает нам о становлении гражданства как центрального фильтра, определяющего доступ индивидов к социальным ресурсам национального сообщества. С политической же точки зрения, гражданский статус представляет собой единственную модель формального членства в государстве, с одной стороны, и единственную легитимацию монополии государства на установление правил политической игры, с другой. Один из исследователей значения гражданства в современных государствах (Brubaker, 1989) описывает идеальную модель гражданского статуса следующим образом: 1) оно основано на принципе равенства граждан и чаще всего обеспечивает демократическую организацию публичного мнения, 2) оно носит эксклюзивный характер, который поддерживается сакральностью национальной принадлежности, 3) оно имеет социальные последствия, иначе оно превратилось бы в формальный договор и потеряло свою почти магическую силу. Опираясь на эту модель современного гражданского статуса, можно предположить, почему международные миграционные процессы рассматриваются как проблема и подлежат особому государственному регулированию: они ставят под вопрос социальную значимость и эксклюзивность национального гражданства.

Территориальный и национальный принципы организации государства

---

⁶ Принадлежность к исключаемому чужих национальному сообществу формализуется в гражданском статусе с введением национальных паспортов в Европе во время первой мировой войны (см. Noiriel, 1994).

Социологическая литература о современных национальных государствах классифицирует их по различиям в самоописании. Одни декларируют себя нациями-этнотами, принадлежность к которым определяется через кровное родство, другие – нациями-полисами, принадлежность к которым определяется через территорию проживания (см. Ильин, 2000). На основании такой классификации часто делаются выводы о степени закрытости государств по отношению к мигрантам. Утверждается, что государства с этнической национальной идентичностью (Германия) наиболее закрыты для чужих, в отличие от государств с территориальной национальной идентичностью (Франция). Однако если мы подробнее рассмотрим структуру современных государств и их обхождение с не-гражданами, мы можем заметить, что нации как этатические, так и этнические ограничивают возможности приобретения чужими гражданского статуса и все-таки оставляют лазейки для его приобретения. Это наблюдение позволяет сделать предположение о том, что национальные самоописания хоть и формулируют символические границы принадлежности, не могут быть достаточными для регулирования отношений между государством и (не)гражданами. Какие же принципы лежат в основе системы включения и/или исключения из принадлежности к современным государствам?

Если не отождествлять государства только с их национальным самописанием, то можно заметить, что они являются, прежде всего, территориальными образованиями. Сила их политических решений пространственно ограничена. Территориальная организация государства подразумевает, что все находящиеся на данной территории индивиды подчиняются кодированным в правовых нормах политическим решениям. Основанием функционирования таких государств является лояльность проживающих на территории индивидов, независимо от их гражданства. Ведь если хоть какие-то группы населения были бы исключены из действующего права, это рано или поздно привело бы к разрушению монополии государства на установление единственно верных правил общежития, потому что допускало бы другие правовые, а следственно и политические системы на своей территории⁷. Государство изначально заинтересовано включать всех проживающих на территории в свое правовое пространство, соответственно, принципиально открыто для чужих. Это утверждение может показаться безосновательным, если обратиться к

---

⁷ Примером утери монополии государства на установления легитимных правил публичной игры – исчезновения лояльного гражданина – может служить исследуемый Вадимом Волковым (1998) феномен возникновения «силовых структур власти» в постсоветской России.

современным миграционным политикам, которые не только ограничивают допуск проживающих на территории не-граждан в правовое, а тем более политическое пространство, но и доступ к самой территории. Ответ на вопрос о причинах исключения мигрантов нужно искать в принципах солидарности национальных гражданских сообществ.

Государства, как мы уже упоминали, удерживают монополию на власть, опираясь на лояльность проживающих на территории индивидов. Лояльность, в свою очередь, результат постоянной работы государства над производством публичной солидарности. Традиционно солидарность создается на мифе о национальном единстве. Национальная принадлежность, независимо от того, определяется она по этатическому или этническому признаку, является категорией примордиальной, предписанной. Национальную принадлежность нельзя заслужить, и отказаться от нее тоже нельзя. Солидарность, основанная на национальной принадлежности, освобождает государство от необходимости постоянной перепроверки действительной лояльности граждан, она воспроизводит лояльность по умолчанию, через сам факт рождения. Национальная принадлежность, однако, недостаточна для того, чтобы обеспечить «действительную» лояльность территориальному государству, прежде всего потому, что она не подчиняется территориальному принципу. Национальность не является категорией, которую можно ограничить пространственными границами. Она базируется на поколенческом, внутрисемейном воспроизводстве традиции, а не на пространственной локализации индивидов.

Таким образом, лояльность национальным государствам приписывается по принципу национальности (при рождении), но она актуализируется только при определенных условиях. Лояльность становится «действительной» при вступлении индивидов в политическое сообщество. Солидарность политическая воспроизводится мифом об участии в политических решениях и мифом о социальной взаимопомощи внутри сообщества равных. Вера в необходимость политического и социального контракта в рамках одного государства легитимирует демократическую организацию политики и систему социальной защиты (других институтов государства благосостояния). Солидарность политическая, в отличие от национальной принадлежности, ограничена территорией. Кроме того, это принципиально эгалитарная категория. Она манифестирует себя не через факт рождения, а через индивидуальное участие в производстве общественного благосостояния.

Назовем принцип принадлежности к традиции **национальным принципом солидарности**, а политическое и социальное участие – **территориальным**, и мы увидим, что оба эти принципа конституируют

любое современное государство независимо от его самоописания. Они объединяются в гражданском статусе. В системе гражданских прав и обязанностей они стабилизируют друг друга, выступают друг для друга достаточными символическими основаниями. Национальная принадлежность является молчаливым критерием того, кого можно считать благонамеренным участником политики. Территориальная же солидарность поставляет национальной принадлежности «реальные социальные привилегии», закрепляющие ее символическую силу. Именно с увеличением реальных социальных привилегий национальной принадлежности в период становления государств благосостояния XX в. территориальные образования превратились в закрытые для чужих национальные сообщества. Принадлежать к определенной нации стало не только политически необходимо (чтобы находиться под защитой какой-то политической единицы), но и выгодно (чтобы быть включенным в систему социального благосостояния). Доступ мигрантов «бедных национальностей» к территориям «преуспевающих» государств стал контролироваться с особой тщательностью.

Интернациональная миграция и проблема легитимации

Слияние национального и территориального принципов солидарности приводит к закрытости современных государств по отношению к определенным миграциям. Европейские государства благосостояния закрывают свои границы для мигрантов, мотивированных на длительное пребывание на их территории. Несмотря на это, нельзя утверждать, что государственные границы непроходимы. Появление и обустройство мигрантов приводит к проблеме легитимности национального исключения и к вопросу об участии мигрантов в структурах территориальной солидарности. Рано или поздно постоянно проживающие на территории мигранты включаются, как минимум, в локальные структуры политического и социального участия и тем самым разрушают миф о необходимости национального единства для поддержания общественного порядка и благосостояния.

Одним из наиболее ярких примеров миграций, подрывающих основания эксклюзивного гражданского статуса, можно считать трудовую миграцию 50-х годов в западно-европейские государства. Вызванная нехваткой рабочей силы во время послевоенного экономического бума, миграционная политика была направлена на малоквалифицированных рабочих мужского пола, которые после определенного периода пребывания должны были вернуться к своим семьям в страну происхождения. Однако постепенно мигранты настолько прочно вписались в правовое и социальное пространство

мест их проживания, что не было легитимных оснований требовать их выселения. Они не только укоренились на рынке труда, стали незаменимой рабочей силой в трудоемких областях экономики, но и приобрели собственный профиль в социальной структуре городов, а позднее стали участниками локальных политических организаций. В ответ на административные попытки выслать их в страну происхождения они использовали территориальную правовую систему. То есть трудовые мигранты, будучи национально чуждыми, участвовали в производстве территориальной солидарности и пользовались ее привилегиями. Феномен укоренения гражданских прав «иностранцев рабочих» в Европе привел некоторых исследователей к провокативному выводу о деквалификации обусловленного национальной принадлежностью гражданского статуса в производстве общественной солидарности и о рождении новых механизмов поддержания лояльности в современных государствах. Некоторые даже рискнули объявить отмирание эксклюзивного гражданства в национальном государстве (Soysal, 1994).

Не будем углубляться в дискуссию о правомерности тезиса, связывающего социальные последствия трудовой миграции с разрушением национальных границ. Пример трудовой миграции должен только проиллюстрировать конфликт между территориальным и национальным компонентами гражданского статуса при международной миграции. Современные государства преодолевают этот конфликт при помощи регулирования миграционных потоков. Можно выделить две основные стратегии национальных миграционных политик. Первая ориентируется на легализацию путей преодоления национальных границ. Она регулирует эту возможность через введение промежуточного *правового статуса мигранта*⁸ с перспективой последующей натурализации. «Заслуженным» (политически лояльным и социально интегрированным) мигрантам дается возможность вступить в национальное сообщество. Эта стратегия восстанавливает национальную эксклюзивность при помощи селективного механизма натурализации. Она типична для государств с длительной миграционной традицией и ярко выраженной территориальной либерально-демократической идентичностью. Другая стратегия заключается в настойчивом символическом исключении мигрантов из сообщества равных через постоянное обновление ценности национальной солидарности. Западно-германское государство

---

⁸ Важно отличать правовой статус мигранта – исконно политическую категорию – от повседневного описания людей, переехавших на новое место жительства. Политическая категория мигранта является публичным статусом; повседневная – маркирует индивидуальный биографический опыт.

длительное время успешно пользовалось этой стратегией. Она сформировалась в контексте политического разделения Германии и была эффективна на протяжении всего периода существования «железного занавеса».

Гражданство ФРГ: политика невидимой регуляции

Конституирование немецкого государства является парадигмальным случаем для изучения конфликта между национальным и территориальным принципами государственности. Уже при объединении немецких земель в единый союз в 1871 г. гармонизация территориальной и национальной солидарностей была центральной политической проблемой. Союз немецких земель перенял описание народного единства в терминах культуры и происхождения. На протяжении существования разделенных немецких земель это давало возможность выстроить систему солидарности, распространяющуюся за пределы региональных границ. Этническая концепция нации отображала «нереализуемость немецкого национального государства» и «пыталась выстроить национальную идентичность вдоль идеи культурного равенства, в противовес политическому неравенству» (Lepsius, 1990: 238). Итак, принадлежность к немецкому народу определялась через происхождение и культуру. Политическая же лояльность в гражданском праве союза немецких земель основывалась исключительно на территориальном принципе⁹. В зависимости от исторического периода то одно, то другое из оснований солидарности (нация без границ или ограниченное территориий политическое участие) приобретало в Германии больший или меньший вес¹⁰. Оба эти основания были переняты и при становлении ФРГ.

Решением о разработке единой конституции начинается объединение оккупированных западными силами территорий в единую политическую единицу. В 1948 г. правительства западных земель обязуются разработать концепцию основного закона, который представит политическую противоположность оккупированным советскими войсками территориям Восточной Европы, и в особенности Восточной Германии. В отличие от коммунистически ориентированной восточной зоны, Западная Германия видела себя призванной репрезентировать союз свободных граждан, лоно демократии и справедливости¹¹. Эта идеологическая формула закрепила в западной

⁹ Подробное описание развития и изменения гражданского статуса в Германии см. Klekowski von Koppenfels, 2001.

¹⁰ См. Räßlen 1995; Takenaka 1994.

¹¹ Акт объединения западных зон определил роль Германии в холодной войне. Она стала подиумом для конфронтации двух

конституции демократическую федеративную структуру государственной власти. Кроме того, новая политическая система должна была гарантировать невозможность повторения опыта нацистской Германии. Это выразилось в юридической кодификации института правового государства и прав человека. Политическая конфронтация с «советски ориентированной» Германией и реакция на нацистское прошлое придали территориальному принципу производства солидарности особый вес. Легальное нахождение на территории обеспечивало индивидов основными индивидуальными правами, независимо от национальной принадлежности.

Конституция Западной Германии обещала демократические свободы и гражданские права не только проживающему на территории населению. Она игнорировала политическое разделение Германии, открывала возможность получения гражданского статуса всем немцам – гражданам бывшего Германского государства. Поэтому в гражданском праве особое место занял этнический принцип определения национальной принадлежности¹². Этот максимально отдаленный от территориального принцип, основанный исключительно на структурах родства и традиции¹³, оказался трудносовместим с ярко выраженной политической претензией Западной Германии на осуществление идеи публичного равенства, когда появилась необходимость политического регулирования международных миграций.

Конфликт между подчеркнуто примордиальным принципом национальной и подчеркнуто эгалитарным принципом территориальной солидарности пронизывал миграционную политику Западной Германии. Этот конфликт спровоцировал расхождение между политикой и повседневной административной практикой по отношению к миграции. Опираясь на эксклюзивный этнический принцип гражданства, политика отказывалась легализовать промежуточный статус мигранта с

политических систем, барометром политического противостояния между Востоком и Западом.

¹² Подробное описание того, каким образом был сформулирован гражданский статус в послевоенной Западной Германии, см. у Hinke 1998.

¹³ В этом смысле Германия отличалась от всех других европейских государств, большинство из которых определяло эксклюзивную национальность через родственный принцип, объединенный с принципом рождения на территории. Принцип рождения ограничивал распространение гражданства по принципу родства за пределы территории. С этаблированием международных миграций после второй мировой войны он открыл доступ к гражданству родившимся на территории детям мигрантов. Однако он не включал самих мигрантов в национальное сообщество, оставаясь эксклюзивным по отношению к «чужим».

перспективой натурализации. Она отказывалась и от эксплицитной миграционной политики. Территориальный принцип солидарности, напротив, создавал условия для возникновения определенных видов миграций. ФРГ декларировала себя государством, в котором отсутствует легальная миграция. Между тем к середине 1970-х годов были институционализированы различные типы фактической миграции в Германию.

Индивидуальное гражданское право на политическое убежище – достояние послевоенной конституции Германии в сфере прав человека – давало «иностранцам» возможность получить разрешение на пребывание и на социальное участие. Оно, однако, не служило инструментом регуляции миграционного движения. Беженцы появлялись в пространстве политики и действующего права как отдельные случаи, исключение из правила. Министерства и ведомства, принимающие решения о правомерности получения статуса беженца, были прекрасно осведомлены о давно устоявшихся способах перехода границы, сетях информации и мотивах. Они пользовались привычными процедурами распознавания «настоящих» беженцев и тем самым этаблировали политическое беженство как структурированное миграционное движение.

Рабочая миграция в Германию тоже не воспринималась политикой как устоявшееся миграционное движение. Иностранцы рабочие, приглашенные на временное пребывание, не считались мигрантами. В начале 1970-х годов Германия закрыла легальные возможности въезда на территорию с целью поиска работы и начала проводить активную агитацию находящихся на территории «иностранцев» за возвращение на родину. Несмотря на завершение политики по приглашению иностранных рабочих, как раз после запрещения въезда увеличилось количество проживающих на территории Германии «иностранцев» из стран, в которых когда-то велась вербовка. Закрытие легальных возможностей въезда подтолкнуло уже находившихся на территории к решению об окончательном «укоренении». Потеряв перспективу выезжать на длительное время и возвращаться за заработками, рабочие с иностранными паспортами стали при помощи судебных решений и общественных движений активно отстаивать право на долговременное пребывание и приглашать в Германию свои семьи. Трудовая миграция продолжила существование под завесой индивидуального гражданского права на неприкосновенность семейного союза за пределами политики, описывающей ее как временное явление.

Деквалификация миграции в политике происходила и в случае этнической миграции. Приезжающие на постоянное место жительства этнические немцы рассматривались как возвращающиеся на родину граждане. Условия их въезда на территорию практически не

регулировались политическими решениями. Они находились в полномочиях администраций различных федеральных уровней. Так же, как и политические беженцы, они как будто случайно появлялись на западно-германской территории. В отличие от беженцев, они сразу описывались в политических категориях как «нормальные» граждане. Чтобы сделать возможным такое символическое исчезновение этнических немцев в политическом пространстве, были необходимы политические инструменты, обрабатывающие биографии приезжающих таким образом, что они превращались в биографии «нормальных» граждан (см. Vommes, 2000).

Противоречие между национальной и территориальной солидарностями длительное время игнорировалось отрицанием миграции в политическом пространстве ФРГ и ее фактической административной обработкой. Для дальнейшего анализа механизмов такого государственного игнорирования миграций и его социальных последствий мы будем использовать теоретическое различие политики на символическую и инструментальную.

Методологическое отступление

Различение символической и инструментальной политики было разработано Никласом Луманом (1994) в одной из теоретических работ о современных бюрократиях и адаптировано нами в ходе эмпирического анализа правовых и административных актов, а также политических решений, касающихся статуса и правил приема этнических немцев на территорию Германии. Анализ официальных документов федерального и земельного уровней, а также интервью с административными лицами, политиками на коммунальном уровне¹⁴ показал, что классическое деление государственной структуры на политику и администрацию не может служить достаточным аналитическим инструментом. Федеральные политические постановления в большинстве случаев реагировали на административные проблемы земель и городов. Правовые нормы, касающиеся регулирования миграции, были максимально открыты для административной интерпретации. Переписывая размытые политические высказывания и общие правовые нормы в локальных политических контекстах, администрации разных федеральных уровней фактически наполняли свои действия политическим содержанием, были центральными акторами в структурировании миграционного процесса. Одним словом, при эмпирическом изучении государственного регулирования этнической миграции невозможно было опираться на типичное представление о том, что политика указывает администрации цели и способы их достижения. Наоборот, основную работу по определению этих политических целей и надлежащих стратегий определяла администрация. Какова же в таком случае была роль политики? Она выстраивала доминирующий нарратив, правила легитимного описания административных действий. Так, фактическое регулирование миграции превращалось в публичном пространстве в «возвращение на Родину» или в «этническую миграцию», в «воссоединение разделенных семей» или в «неконтролируемый миграционный поток».

Несмотря на эмпирическую сложность разделения политических и административных полномочий, было бы неверным говорить о полном их слиянии. Особенность государственного регулирования миграций в ФРГ может быть описана следующей формулой: «дистанцированная политика и политизированная администрация». Для эмпирического наполнения этой формулы в исследовании было сохранено различие политических решений и административных действий. Дискурсивный ресурс профессиональных политиков (предвыборные программы,

---

¹⁴ Данное исследование проводилось автором в рамках диссертационного проекта по теме «Переселенцы в локальной политике и администрации: управление социальными различиями».

парламентские дебаты, самописание партий) был назван *символической политикой*. К административным действиям относились стратегии политического регулирования миграции, которые не могли быть вынесены к публичному обсуждению. Под ярлыком административных мер и следования правовым нормам эти стратегии могли быть вынесены за пределы открытого публичного политического пространства. Несмотря на реальное политическое значение действий администраций, для превращения административного решения в тему политического обсуждения требовались особая мобилизация внутриадминистративных сил и возможность описать его в публично приемлемых терминах. Именно поэтому решения, не помещающиеся в дискурсивное политическое пространство, мы обозначили термином *инструментальная политика*.

Третья важная категория в аналитическом инструментарии исследования – *правовая норма*. Законодательство мы рассматривали как связующее звено между символической и инструментальной политиками. Законы представляют собой кодифицированные политические решения. Они конституируют отдельные политические поля, в которых аргументирует символическая политика. Одновременно с этим законодательство является для администраций рамками, определяющими границы их полномочий. Оно является направляющим вектором инструментальной политики. Из игры трех инстанций государственной власти – права, символической и инструментальной политик – кристаллизуются механизмы регулирования миграционных процессов. Их различное соотношение производит различные политические, а главное социальные эффекты.

**Привилегированный гражданский статус:
политика по переселению этнических немцев
в период существования железного занавеса**

«Пережив тяжелое время, вы наконец-то вернулись к своим семьям, разделенным войной и гонениями. Так же, как и ваши близкие, я рад этому и как министр по делам беженцев, репатриантов и пострадавших во время войны приветствую вас от имени правительства Федеративной Республики Германии. Мое министерство будет всеми силами стараться поддержать вас в ваших нуждах и заботах помощью и советом».

Бонн, август 1956¹⁵

---

¹⁵ Цитата из приветственного текста министра по делам репатриантов, опубликованного в предисловии к путеводителю для переселенцев. Эта брошюра до сих пор регулярно выпускается министерством внутренних дел с целью сориентировать новоприбывших в их правах и льготах. Интересно было бы проследить изменения в символическом описании этнической миграции на примере текстов путеводителя.

Правительства западных зон принимали беженцев немецкой национальности на своих территориях, руководствуясь политикой помощи так называемым «репатриантам на родные территории» (Heimatvertriebene) и другим «пострадавшим вследствие войны немцам»¹⁶. Обязанностями земель были материальная и социальная поддержка беженцев. Городские администрации занимались вопросами временного жилья, обеспечения одеждой и предметами первой необходимости¹⁷. В первые послевоенные годы на территорию западных зон было принято более 7 млн беженцев немецкой национальности¹⁸. Большинство из них полностью зависело от государственной помощи. Для установления её размеров и контингента лиц, на нее претендующих, практически всеми землями к 1948 г. был принят закон о беженцах, в котором закрепились статус репатрианта немецкой национальности или немецкого гражданства¹⁹.

Установить действительный гражданский статус бежавших на западные территории было, однако, не так-то просто. Не было прояснено, какой гражданский статус имеют беженцы из бывших оккупированных нацистской Германией территорий Восточной Европы. Беженцам из советской зоны и других восточных территорий часто недоставало элементарных материальных доказательств немецкого гражданства: у многих были утеряны всякие удостоверяющие личность документы. Отчасти поэтому в законах о статусе репатрианта (или беженца) основным критерием признания прав было доказательство принадлежности к немецкому этносу: «Принадлежность к немецкому народу – писал председатель правительства Северной Рейн Вестфалии, – является единственным и достаточным условием для признания статуса беженца»²⁰. Таким образом, статус *беженца (или репатрианта)* гарантировался лицам немецкой национальности (фактически – персонам, говорящим на немецком языке, имеющим немецкий паспорт или происхождение), изгнанным из занятых советскими властями

Подробный анализ этих текстов, к сожалению, не может быть проведен в рамках статьи. Тем не менее мы будем использовать путеводитель как один из маркеров изменения социального и политического значения статуса репатрианта.

¹⁶ См. Heinelt; Lohmann 1992.

¹⁷ Эти обязанности города выполняли с 1945 г. в рамках первых постановлений военного правительства. Lücking [Oberkreisdirektor, Iserlohn] In: Der Wegweiser 1952, 22–43).

¹⁸ См. 20 Jahre Friedland 1967. Bundesministerium für Vertriebene, Flüchtlinge und Kriegsbeschädigte (Hg.) Bonn. S. 29.

¹⁹ См. например, закон о статусе репатрианта земли Северная Рейн Вестфалия GV NW. PVR. 29/1948, S. 216, 25 September 1948.

²⁰ Granicky G. (1950) Die Umsiedlung von Heimatvertriebenen nach NRW. Verordnungen und Erlasse. Schriftenreihe für Vertriebenenhilfe. Sonderdruck Nr. 9 Sozialminister (Hg.) S. 5.

территорий. Они получали удостоверение беженца, которое давало право на особую помощь со стороны земель и городов.

При объединении западных зон в единое государство и вступлении в силу Конституции 1949 г. статус беженца был внесен в основной параграф о немецком гражданстве (§ 116). Немцами считались все граждане, имеющие немецкое гражданство и/или все репатрианты (Vertriebene) немецкой национальности. Включение статуса репатрианта в Основной закон дало право Западной Германии претендовать на роль защитника интересов всех немцев за пределами ее территории. При помощи этого правового механизма игнорировалось политическое деление Германии на Восточную и Западную вне ущерба территориальной суверенности нового государства. Статус репатрианта, поднятый до статуса гражданина, служил многим миллионам беженцев из Восточной Европы гарантом гражданских прав. В § 116 не было определено подробно, на каких основаниях присваивается статус репатрианта. Определение условий его получения оставалось в полномочиях земель. Статус был кодифицирован в федеральном законе о репатриантах только в 1953 г.

Регулирование въезда репатриантов на территорию западных зон

До вступления в силу федерального закона о статусе репатрианта по условиям законов земель беженцами считались все персоны, способные убедительно доказать свою этническую принадлежность. Их права были приравнены к правам граждан. Распространение гражданских прав на немцев, находящихся за пределами западных территорий, отнимало политические возможности регулировать количество приезжающих и места их поселения. Этнические немцы имели право как нахождение на территории, так и на свободу передвижения внутри страны. В связи с этим их поселение распределялось неравномерно.

Регулирование финансовой нагрузки земель по обеспечению беженцев происходило не через регуляцию миграционных потоков, а в тени политики помощи репатриантам, через процедуру регистрации. Претендующие на статус и привилегии репатрианта должны были после перехода границы добровольно зарегистрироваться в лагерях для беженцев. На языке символической политики процедура регистрации описывалась как необходимая административная мера по облегчению организации помощи переселенцам. В регистрации не могло быть отказано беженцам, претендующим на гражданский статус. Фактически же она должна была служить инструментом миграционного контроля и перераспределения беженцев на территории Германии. В качестве

инструмента контроля процедура регистрации оказалась, однако, неэффективной. Городские администрации продолжали выдавать удостоверения личности и присваивать статус репатрианта не зарегистрированным в лагерях немцам на основании их права на гражданство. Министр по социальным вопросам земли Северная Рейн Вестфалия пишет в 1949 г.: «Я установил, что, несмотря на наши постановления, беженцы из регионов, находящихся под польским правлением, и из занятых русскими восточных зон все еще продолжают въезжать на территорию земли Северная Рейн Вестфалия и принимаются городами независимо от того, имеют ли они разрешение одного из центральных лагерей для беженцев»²¹.

К 1950 г. ситуация в граничащих с восточными зонами землях стала настолько напряженной, что федеральное правительство больше не могло игнорировать проблему регулирования этнической миграции. Земли, переполненные беженцами, требовали от федерального уровня эффективного распределения финансовой нагрузки. На административном уровне устанавливаются квоты распределения репатриантов²². Кроме того, репатриантам предлагается по собственному желанию переселиться в менее обремененные земли. Федеральное правительство обязалось взять на себя все финансовые издержки переселения. Для регулирования дальнейшего въезда на территорию принимается закон о чрезвычайном въезде²³, по которому репатрианты из советских зон могут легально находиться на западной территории только при наличии разрешения на пребывание. Разрешение это давалось на основании решения специальной комиссии по принятию репатриантов. Комиссия принимала позитивное решение при наличии достаточных политических причин для переселения²⁴.

Итак, этнический принцип включения в национальное сообщество ставил под вопрос основания территориальной гражданской солидарности – обязательство государства поддерживать социально слабых граждан. Некоторые земли не в состоянии были «прокормить» всех находящихся на их территории беженцев. В законе о чрезвычайном въезде отразилась попытка ограничить национальный принцип гражданства условием политической лояльности потенциальных переселенцев и вернуть территориальному государству

---

²¹ Flüchtlingsausweis nur bei Vorliegen des Einweisungsbescheides eines Hauptdurchgangslagers. Runderlaß des Sozialministers. NW. abbt. I C – 2013 – vom 5.8.1949 (M. BI. 66/49).

²² См. “Übzener Beschlüsse” vom 11.7.1949.

²³ Notaufnahmegesetz 1950.

²⁴ § 19 Abs. 1 der Verordnung zur Durchführung des Gesetzes über die Notaufnahme von Deutschen in das Bundesgebiet vom 11. Juni 1951, zuletzt geändert durch Verordnung vom 14. Juni 1965 (BGBl. I, S. 514).

компетенцию по определению гражданской принадлежности. Однако он был не в состоянии преодолеть символическую политику по «воссоединению немецкого народа» на западной территории. Закон расценивался юристами как противоречащий конституционному праву. Комиссия должна была определять обоснованность нахождения на территории тех, кому по определению не могло быть отказано в гражданстве (Ballweg 1952). Ограничение условий въезда политическими причинами осталось формальной попыткой регулировать миграцию потенциальных граждан. В условиях открытых границ практически не существовало эффективных механизмов контроля этнической миграции как на политическом, так и на административном уровнях.

К середине 1960-х годов всякая необходимость контролировать этническую миграцию исчезла сама собой. Закрытие границ с восточно-европейскими соседями привело к сокращению числа въезжающих. Локализованный только в некоторых пограничных пунктах въезд репатриантов не требовал особых регуляционных механизмов. Все проходящие через эти пропускные пункты переселенцы автоматически попадали в приграничные лагеря для беженцев, регистрировались и распределялись в «свободные» земли. Проблема миграционного контроля была решена усилением политического конфликта между Востоком и Западом. Закрытие границы с Востоком удобрило почву для успешного воспроизводства символической политики «воссоединения немецкого народа» и сместило проблему регуляции этнической миграции исключительно на уровень административных мер по регистрации и распределению репатриантов. В разгар холодной войны именно вытеснение проблем миграционного контроля из сферы символической политики на уровень административных решений позволило использовать переселение в качестве подтверждения центрального значения национальной принадлежности в определении гражданства.

Социальное и политическое значение статуса репатрианта в послевоенной Германии

Вернемся к упомянутому выше федеральному закону о репатриантах 1953 г. Правовые коды этого закона разрешали несколько политических проблем. Во-первых, были установлены единые для всех земель правила определения статуса репатрианта. В них закон наконец-то сузил круг лиц, претендующих на немецкое гражданство на основании этнической принадлежности. Статус репатрианта получали только те лица, которые приобрели постоянное место жительства на западных территориях до 1953 г. и были преследуемы в странах исхода на

основании их этничности. Во-вторых, в статусе репатрианта были объединены используемые до этого различные категории беженцев (Sowjetzonenflüchtlinge, Heimatvertriebene, Flüchtlinge). Это позволило репрезентировать их как единую политическую единицу, группу со схожими политическими интересами. В-третьих, в рамках закона были определены меры по особой социальной поддержке и помощи пострадавшим во время войны немцам, распределялась финансовая ответственность различных административных уровней власти. Прежде всего, это были меры по реинтеграции репатриантов и по возмещению причиненных войной потерь.

Законом о репатриантах государство окончательно определило свое отношение к переселившимся в первые послевоенные годы немцам. Оно признало ответственность перед этой группой граждан и обязалось как политической, так и материальной поддержкой возместить нанесенный ей ущерб. Закон закрепил политический миф «немецких жертв войны» (Levy 1999), служивший символическим ресурсом для самоописания послевоенного западно-германского государства. Политизация судеб репатриантов отражалась в структурных возможностях их политического участия: «они артикулировали свои интересы, организовывались после 1948 г. в объединения и не могли не быть учтенными политическими инстанциями» (Lüttinger, 1989: 39). Итак, закон служил политической и правовой основой консолидации статуса репатрианта. В нем, однако, не были прописаны правила дальнейшего въезда этнических немцев на территорию Западной Германии.

К середине 1960-х гг. в правовой дискуссии о статусе репатрианта начинается обсуждение вопроса об упразднении этой группы (Treppert, 1969). Не только с правовой, но и с социальной точки зрения статус репатрианта перестал играть особую роль. Если в первое послевоенное десятилетие он давал возможность получения особых социальных привилегий и активного политического участия, то в период расцвета социального государства и экономического бума эти привилегии стали малозаметны и политически не обоснованны. «С роспуском министерства по делам репатриантов и беженцев в 1969 г. официально было признано, что экономическая и социальная интеграция переселенцев завершена» (Lüttinger, 1989: 12).

Отмена статуса репатрианта была связана, по меньшей мере, с одной административной проблемой. Он заменял многим удостоверение о гражданстве, и его отмена повлекла бы за собой формальное лишение гражданства для миллионов проживавших на территории Западной Германии. Предложение о коллективной «натурализации» (Einbürgerung) репатриантов было, однако, отклонено федеральным правительством (Ruhmann, 1994: 41). К середине 1960-х гг. появились и

политические причины сохранения привилегированного гражданского статуса – эффективное использование этой правовой категории в качестве оружия холодной войны (Otto, 1990). Закон о репатриантах служил правовым фоном, на котором западногерманская политика активно прокламировала возвращение на родину «угнетаемых коммунистами немцев» без необходимости тематизировать это возвращение в терминах международной миграции. Пересечение государственных границ было организовано в рамках административных мер «по воссоединению семьи» и внешней политики репатриации немцев на западные территории.

Воссоединение семьи: символическое игнорирование миграции

Статус репатрианта был определен в § 1 федерального закона о репатриантах. Две характеристики – *преследование и немецкая этничность* – полагали его присвоение в каждом индивидуальном случае. Категория преследования определялась законодательством по принципу «приписывания»: были установлены те государства, в которых преследование немцев предполагалось. Всем родившимся и выросшим на так называемых «территориях преследования» немцам, независимо от их индивидуального биографического опыта, как бы приписывалась история изгнанника. Для этих групп лиц отсутствовала процедура индивидуальной проверки действительности утверждения о преследовании. В первом варианте закона территориями преследования считались «находящиеся под чуждым правлением немецкие восточные территории» (территории Восточной Германии и бывшего Немецкого Рейха) и «территории, находящиеся за пределами Немецкого Рейха по территориальному законодательству от 31 декабря 1937 г.». Категория преследования ограничивалась не только территориальным, но и временным фактором. Предполагалось, что преследование закончилось в 1952 г.

Категория немецкой этнической принадлежности (*Volkszugehörigkeit* – дословно – принадлежности немецкому народу) была сформулирована в законе о репатриантах на основании противоположного принципа – индивидуального доказательства немецкости. Критерии ее определения были, однако, предельно размыты. Центральную роль в определении этнической принадлежности играло «субъективное признание себя принадлежащим к немецкому народу». Размытость категории этнической принадлежности оставляла пространство для административного решения о присвоении статуса репатрианта в каждом конкретном случае.

Категория немецкости, таким образом, оставалась в законе предельно открытой. Напротив, категория преследования ограничивала право на получение статуса региональными и временными рамками. Еще одно важное условие ограничивало область действия правового статуса репатрианта. Он мог вступать в силу только при *постоянном пребывании кандидата на территории ФРГ*. Это ограничение означало, что статус не мог служить официальным каналом въезда в ФРГ. Учитывая правовые условия присвоения статуса репатрианта, логично прийти к выводу о невозможности какой-либо миграции беженцев на территорию ФРГ после 1952 г. «Историческая правда», однако, заключается в том, что на основании этого статуса на территорию Западной Германии после 1952 г. въехало более трех миллионов человек²⁵.

Уже при первом чтении закона в 1953 г. обсуждается вопрос о том, как новое немецкое государство должно относиться к тем немцам, которые еще не выехали из восточных территорий. В политических дебатах вопрос этот был сформулирован таким образом: можно ли считать репатриантами тех лиц, которые хотели бы переселиться на западные территории после вступления в силу закона, а значит, не в ходе военных действий или прямых гонений? Неоднозначность этого вопроса решилась через особый подпараграф, вступивший в силу в 1957 г.²⁶. В нем предполагалось, что все этнические немцы, которые проживали на втянутых в военные действия территориях до 1945 г., так или иначе испытывали гонения или были вынуждены жить под страхом преследования. Более того, их дети, дети детей и их семьи имели право получить статус «переселенца» (Aussiedler) или «позднего переселенца» (Spätaussiedler), даже если они родились после 1945 г. и их биография не была прямо связана с войной. «Переселенцы» или «поздние переселенцы», с правовой точки зрения, не были репатриантами: их статус приравнивался к статусу репатрианта. Они, однако, так же, как и послевоенные беженцы, получали удостоверение репатрианта без какого-либо специального в нем обозначения. Возможность получения статуса переселенца ограничивалась территориями преследования. В зависимости от внешнеполитической ситуации этими территориями считались более или менее враждебно настроенные по отношению к «западному миру» восточно-европейские и азиатские страны. Например, в 1970-е гг. «территориями

---

²⁵ Подробную статистику см. Info-Dienst Deutsche Aussiedler, August 1996; Maerz, 1998.

²⁶ BT-Drs. 1/3902, 3. Цит. по: Heinelt; Lohman, 1992: 66.

преследования» немцев стали Китай и Албания. Из списка этих территорий не был исключен и Советский Союз²⁷.

Статус репатрианта в законе 1953 г. был, таким образом, сужен и расширен одновременно. Легальные возможности получения статуса для всех этнических немцев, исключая немцев из «коммунистических стран», были полностью закрыты. Для последних же все ограничения, наоборот, снимались. Категория переселенца определялась таким образом, что включала в систему своих привилегий всех потенциальных кандидатов с Востока – как этнических немцев, переживших войну, так и их детей с семьями. Для этой группы лиц статус передавался по наследству; были сняты ограничения, связанные с условием проживания на территории ФРГ. Для доказательства проживания было достаточно на нее попасть, без учета того, получил ли кандидат регистрационную карточку: легально или нелегально въехал на территорию. В течение 6 месяцев кандидат должен был подать заявление на получение статуса в любом городском отделе по делам репатриантов. В конечном счете, кандидатам нужно было соответствовать единственному требованию – «принадлежности к немецкому народу». Так как правовые критерии принадлежности были размыты, позитивный или негативный исход проверки зависел от административного толкования этничности.

Определение «немецкости» в законе о репатриантах базировалось на так называемых «объективной» и «субъективной» правовых теориях этнической принадлежности. Административная практика 1950-1960-х гг. подчеркивала важность субъективной самоидентификации с немецким народом: «Признание принадлежности к немецкому народу предполагает сознание и волю быть немцем и не принадлежать ни к какому другому народу»²⁸. Объективными характеристиками считались язык, культура и происхождение. Они, однако, не были обязательными условиями: для подтверждения субъективного самоопределения могли использоваться и другие доказательства принадлежности²⁹. Центральным доказательством субъективного самоопределения было *публичное* признание себя немцем на территориях изгнания. Родившимся до войны поколениям переселенцев хватало записи в графе национальность при переписях населения. Для (после)военных поколений и такого доказательства не требовалось. Считалось, что вследствие войны преследования немцев в странах восточного блока усилились, так что публичное декларирование немецкой

---

²⁷ Об однозначном идеологическом использовании закона о репатриантах при административной интерпретации правовой категории переселенца см. Delf, 1993.

²⁸ BayVGH, Urteil v. 25.3.1963 Azi IC 38.63 цит. по: Treppert, 1969: 40.

²⁹ Richtlinien für Einbürgerungen, 1956: 45.

национальности стало опасным для жизни. Поэтому для доказательства самоидентификации хватало более или менее правдоподобного изложения семейной истории с немецкими традициями. Административная практика учитывала также и возможность отсутствия каких-либо документов, подтверждающих публичное самоотнесение к немецкому народу. Чиновники часто применяли процедуру «заверенного свидетельства»³⁰: претендующие на статус должны были предъявить несколько юридически заверенных подтверждений их немецкости, написанных очевидцами их публичной идентификации.

Учитывая особенности статуса переселенца и административную практику определения немецкости, нельзя не прийти к выводу, что для немцев из Восточной Европы привилегированный гражданский статус был фактически гарантирован. Только государственные границы препятствовали его получению. В рамках закона о репатриантах, как уже говорилось выше, невозможно было получить разрешение на въезд. Каким же образом некоторым удавалось пересечь границу?

В период холодной войны лишь немногие нелегально въезжали на западно-германскую территорию. Нелегальные мигранты³¹ из Восточной Европы имели две возможности признания их прав на пребывание: просьба о политическом убежище или заявление на получение статуса репатрианта. Обе возможности легализации обещали довольно высокие шансы на успех³². Основное количество кандидатов на статус переселенца все же пересекало границу легальным путем. Уже в 1950-е годы западно-германское правительство имеет договоренности с некоторыми восточно-европейскими странами по разрешению на выезд «оставшихся на их территориях немцев». Договор с Чехословакией (1950 г.)³³, с Советским Союзом (1958 г.) и несколько договоров с Польшей легализовали возможность выезда из Восточной Европы в рамках политически приемлемой для всех сторон правовой нормы: гуманитарного принципа воссоединения разъединенных войной семей³⁴.

---

³⁰ См. интервью 11, фокусированное интервью с работником отдела по делам репатриантов в городском управлении города Билефельд (Северная Рейн Вестфалия), 2001.

³¹ Официальное определение этой категории лиц в административных документах.

³² При отказе в статусе репатрианта многие «нелегальные мигранты» подавали заявку на политическое убежище. В 1971 г. 57 % всех подавших заявку на политическое убежище (основное количество заявок было из Восточной Европы и Советского Союза) получали соответствующий статус. А те, кому было отказано, сохраняли право пребывания на территории (см. Klekowski von Koppenfels, 2001: 105).

³³ См. Heinelt, Lohmann, 1992: 63.

³⁴ Единственное прямое указание на возможность въезда на территорию ФРГ в законе о репатриантах относится как раз к близким

Разрешение на выезд на основании воссоединения семьи находилось в полномочии бюрократий восточно-европейских стран. В каждом индивидуальном случае они требовали от кандидатов доказательств того, что на территории ФРГ действительно находятся их родственники. Работой по поиску и удостоверению родственных связей занималась частная организация – Немецкий Красный Крест. С 1947 г. она составляла списки проживающих за пределами ФРГ немцев. Для выезда из Советского Союза Красный Крест установил единый, принимаемый советскими властями образец удостоверения родственных связей – «вызов». Обладая этим удостоверением, желающие эмигрировать могли надеяться на официальное разрешение со стороны советских властей³⁵, а те, кому посчастливилось его получить, – пересечь государственную границу ФРГ. Административное решение 1957 г. постановило, что «вызов» Красного Креста считается действительным доказательством принадлежности к немецкому народу при рассмотрении заявлений на статус переселенца³⁶. Организуемый частной организацией переезд «родственников» служил доказательством их права на немецкое гражданство.

При пересечении границы этнические немцы попадали в лагеря-распределители, находящиеся непосредственно у пограничных пунктов. Там они подавали заявление на статус переселенца. Там же улаживались и другие формальности: славянские имена переписывались по правилам немецкого писания; устранялись неиспользуемые в Германии части имен, например отчества; заключались контракты о медицинской и пенсионной страховке и т.д.

родственникам. В § 94 определяется, какие конкретно родственные связи дают право на получение разрешения на пребывание. Однако «принцип воссоединения семьи» для этнических немцев не ограничивался этой правовой нормой. На практике разрешение на воссоединение семьи можно было получить при наличии *любых* родственников в Германии. Принцип воссоединения семьи многие годы структурировал миграционное движение. В конечном итоге он сделал семейные связи структурной основой миграции и после его отмены. Можно предположить, что приписываемая этническим мигрантам «традиционная семейственность» берет свое начало не в их традиционализме, как предполагается в немецкоязычной социологической литературе. Она основывается на устоявшемся использовании родственных связей в качестве миграционного ресурса на протяжении всей истории этнической миграции.

³⁵ Разрешение на выезд при наличии «вызова» не было гарантировано. В некоторых случаях за него нужно было бороться годами или не получить совсем. Отдельные семьи, получив вызов, не реализовывали его сразу, а хранили в качестве «запасного выхода» в случае возможных трудностей в России.

³⁶ См. Rundschreiben vom 3 Juli 1957 – I B 3 – 13110 B – 274/57 und Rundschreiben vom 26 September 1969 – V II 6 – 125 210/4.

Окончательное решение о присвоении статуса принималось, однако, не в пунктах распределения, а в администрациях городов, в которые направлялись переселенцы³⁷.

Привилегированный гражданский статус и миграционная карьера

Если учитывать всю вышеизложенную институциональную и правовую структуру миграции, решение городов о присвоении статуса репатрианта в период существования «железного занавеса» можно расценивать как административную формальность. Однако перенесение политической ответственности за решение на городские администрации означало на символическом уровне разделение инструментальной политики по переселению и символики привилегированного гражданского статуса. Конструировалась ситуация, при которой городские администрации имели дело не с мигрантами и процедурами их легализации – пребывание приезжающих уже было легализовано в лагерях, даже их имена не транспортировали больше иностранной биографии и идентичности. Администрации якобы решали вопрос о присвоении особого гражданского статуса некоторым из своих горожан. В рамках такого распределения политической ответственности за принятие решения о гражданстве работа федеральных лагерей по приему и распределению приезжающих могла быть описана как исключительно административная деятельность. На политической арене лагеря-распределители выступали как организации первой помощи переселенцам и подготовки всех необходимых для гражданства документов. Символическая политика игнорировала фактическое существование и административную обработку миграционного потока. В том числе и подготовка процедуры переселения была передана частной организации – Красному Кресту. Миграция переселенцев представлялась в публичном политическом пространстве как «воссоединение семьи» и «возвращение на родину» индивидуально переезжающих немецких граждан. Статус репатрианта оставался гражданской, а не миграционной категорией.

---

³⁷ Распределение переселенцев в города происходило также по принципу «воссоединения семьи». См. Richtlinien für die Verteilung der Zuwanderer aus der sowjetisch besetzten Zone Deutschlands und dem sowjetisch besetzten Sektor von Berlin, der Aussiedler und der Vertriebenen aus dem freien Ausland (Verteilungsrichtlinien) in der mit Schreiben des Bundesministers für Vertriebene, Flüchtlinge und Kriegsgeschädigte, jetzt Bundesminister des Inneren – IV 1 (IV 5) – 7177 (Bd. IV) – 287/61 – vom 10. März 1961 bekanntgegebenen Fassung.

Города обязались обеспечивать временным жильем тех переселенцев, которые не были в состоянии найти подходящую квартиру на рынке жилья или поселиться у родственников. Длительность пребывания в таких общежитиях колебалась от нескольких месяцев до года, в зависимости от наличия свободных мест и желания приезжающих. Часто семьи оставались в общежитии до тех пор, пока не собирали нужное количество денег на постройку собственного дома или покупку квартиры³⁸. Во время проживания в общежитиях «новые горожане» с помощью социальных работников – представителей городских администраций и других общественных организаций – налаживали свои отношения с государством. Они регистрировались на бирже труда, оформляли документы по признанию их квалификационных и образовательных сертификатов и стажа работы, подавали заявки на выплату компенсации за материальные и моральные потери вследствие войны, отправляли детей в школу или специальный интернат для улучшения языковых знаний. Проживая в общежитии, этнические немцы как бы «чинили свои гражданские биографии» (Vommes, 2000), делали из них биографии ничем не отличающихся, нормальных граждан. Городская администрация теряла из виду выехавших из общежитий переселенцев: они превращались в часть обычной городской публики.

Итак, трансформируя миграционные биографии, символическая политика отказывается не только от признания своей роли в регуляции миграционного потока, но и от наличия самих мигрантов на своей территории. Такое символическое приписывание нормального гражданства особенно заметно на примере индивидуальных миграционных карьер так называемых «русских немцев», частная биография которых никак не была связана с немецким государством до наступления войны, а часто и после нее. Русские немцы, проживавшие на российских территориях еще до Октябрьской революции, также попадали под правовую категорию переселенцев и репрезентировались как немецкие граждане, возвращающиеся на родину.

Институционализация этнической миграции Миграционная политика после падения Берлинской стены

«Дорогие сограждане, я рад приветствовать Вас в Федеративной Республике Германии. Вы приняли решение покинуть свою прежнюю родину, рабочее место, друзей и соседей и обосноваться в Германии. Вместе с этим решением в вашей жизни наступил важный поворот, который, несомненно, для многих будет нелегко преодолеть...»

Министр иностранных дел Отто Шили,
август 1999.

---

³⁸ См. инт. 8. фокусированные интервью с начальником городского управления по социальным вопросам. г. Билефельд, 2002.

Поддерживаемое внешнеполитическими договоренностями, едва принимаемое во внимание внутривнутриполитически, к середине 1970-х гг. переселение обретает устоявшуюся структуру. В этот период статус переселенцев получают в основном этнические немцы из Польши³⁹. Польша стабилизирует отношения с ФРГ и открывает возможности туризма в Германию. Этнические немцы активно используют этот канал перехода границы. Находясь на территории Германии, они подают заявление на получение статуса репатрианта, а после приглашают свои семьи и родственников. Принцип воссоединения семьи приводит в движение цепную миграцию.

Инструментальная политика реагирует на новый миграционный канал – туристическую визу. Правовая норма закона о репатриантах, утверждающая, что статус может быть получен только теми персонами, кто постоянно находится на территории ФРГ, переинтерпретируется бюрократией. Условие постоянного нахождения на территории признается выполненным только в том случае, когда переселенцы имеют особое «разрешение о приеме» (Übernahmeerlaubnis). При наличии этого разрешения приезжающие могут подавать заявление на получение статуса репатрианта в городских администрациях⁴⁰. Процедура приема переселенцев формализуется и передается в компетенцию федерального министерства внутренних дел. Оно проверяет принадлежность кандидатов к немецкому народу. При позитивном исходе проверки кандидат получает право въехать на территорию Германии. Если же он уже находится на территории в качестве туриста, кандидат сначала подает заявление о приеме, решение о котором принимает федеральное министерство, а после этого – заявление на получение статуса репатрианта в городские администрации. Процедура ведется в письменном виде, если кандидаты еще находятся в странах исхода, и при личном присутствии – в лагерях по приему переселенцев⁴¹. Решение федерального управления о приеме переселенца по-прежнему расценивается как административный акт, облегчающий дальнейшую работу городских администраций по

---

³⁹ Польские немцы к этому времени составляли 66,4 % всех подающих на статус. Из них 95 % приезжали в ФРГ по туристической визе (Ruhmann, 1994: 120).

⁴⁰ Liesner Ernst (1988). *Aussiedler. Die Voraussetzungen für die Anerkennung als Vertriebener. Arbeitshandbuch für Behörden, Gerichte und Verbände.* Herford: Maximilian Verl. S. 9.

⁴¹ Schnurr Joseph (1983). *Die Bedeutung deutscher und ausländischer Staatsangehörigkeitsregelungen bei der Integration der Aussiedler.* In: Harmsen, Hans (Hg.) *Die Aussiedler in der Bundesrepublik Deutschland. Anpassung, Umstellung, Eingliederung. Abhandlungen zu Flüchtlingsfragen.* Band XII/2 Wien: Wilhelm Braumüller Universitäts-Verlagsbuchhandlung Ges. M.B.H. S. 159 – 186.

определению гражданского статуса. Оно ни в коем случае не рассматривается как окончательное решение о гражданском статусе. Последнее остается в компетенции городов.

Разделение процедуры приема и процедуры получения гражданского статуса указывает на возникающую – в это время еще исключительно административную – необходимость централизованного регулирования миграции. Увеличение малоконтролируемых путей попадания на территорию нарушает сложившийся порядок административной обработки миграционного потока. Централизация так называемой процедуры приема⁴² вводится для облегчения деятельности городских администраций. Побочным эффектом централизации является появление миграции на арене символической политики.

На протяжении 1970–80-х гг. символическая политика продолжает провозглашать принцип национальной солидарности основным условием присвоения гражданского статуса. Этнические мигранты по-прежнему считаются возвращающимися на Родину гражданами. Однако в их описании происходят некоторые изменения. Им все чаще приписываются характеристики, отличающие их от «нормальных» граждан: социализация в советской системе, незнание демократического общественного устройства, отчуждение от немецкой культуры, слепое подчинение авторитету. Они становятся немцами, имеющими все основания для участия в политике, но утратившими необходимые для этого навыки. Символическая политика провозглашает своей задачей научить «новых граждан» правилам игры в демократию и таким образом включить их в структуры территориальной солидарности. Под лозунгом интеграции в демократическое общество вырабатываются финансируемые федеральным бюджетом программы по просветительской работе. Устраиваются информационные мероприятия, на которых речь идет о государственном устройстве ФРГ, демократических правах и обязанностях граждан. Организуются поездки по Германии, встречи с политиками и частная помощь в повседневном обустройстве. Все эти меры по-прежнему ориентированы на тех, кто проживает в общежитиях⁴³. Если в 1950–1960-е гг. общежития описываются комментаторами исключительно как место временного

---

⁴² Формальное название процедуры долгое время не соответствовало ее содержанию. В большинстве случаев процедура проводилась ad hoc. Кандидаты уже находились на территории ФРГ и фактически не могли быть из нее изгнаны.

⁴³ См. Müller Ruth (1979). Berichte eines ökumenischen Arbeitskreises am Beispiel Nellingen-Ostfildern 2. In: Dt. Evang. Arbeitsgemeinschaft für Erwachsenenbildung (DEAE) (Hg.) Umsiedler/Aussiedler: Informationen, Praxisberichte, Erfahrungen. Gelnhausen: Burckhardhaus-Verlag. S. 37–40.

местонахождения, неизбежное зло, то теперь они становятся важной стадией интеграции: «Даже если бы переселенцам сразу после распределения в какой-то город давалась бы отдельная квартира, им все же необходимо было бы какое-то время находиться в общежитии. Там у них есть возможность с помощью опытных помощников, переводчиков и советчиков и без особых материальных затрат сориентироваться в новой жизненной среде и принять взвешенное решение по поводу дальнейшего места жительства, работы и правового статуса. Для этого достаточно, как показывают отчеты социальных работников, шести месяцев»⁴⁴.

Миграционная карьера переселенцев в последние десятилетия холодной войны локализуется в административной процедуре по приему и публично распознается в необходимости политической социализации «новых граждан». Временные общежития обретают новое социальное значение. Они маркируют тех, на кого должны быть направлены усилия по интеграции. Меры по интеграции переселенцев распространяются не только на ликвидацию демократической безграмотности. Политической темой становится и «структурная бедность» приезжающих. Как и все фактические мигранты, они находятся в структурно невыгодном положении по сравнению с гражданами, родившимися и выросшими на территории. Переселенцы, несмотря на приписываемую политикой основополагающую связь с немецким народом, не имеют тех биографических ресурсов, которые накапливались родившимися на территории на протяжении всей жизни: образовательные сертификаты, стаж работы и значимые социальные связи. С середины 1970-х гг. социальные работники проявляют беспокойство особенно о молодых переселенцах, которые, по их мнению, подвергаются риску остаться зависимыми от социальной помощи⁴⁵. Для восстановления структурной полноценности биографий переселенцев вырабатываются специальные интеграционные программы. С 1976 г. получившим статус репатрианта выплачивается помощь по обустройству квартир, города получают финансирование жилищных программ для переселенцев⁴⁶. Министерство по

---

⁴⁴ См. Schildmeier A.; Schwinges U. 1976: 49). Spätaussiedler. Struktur, Situation und Eingliederungsprobleme. Betsandaufnahme und Empfehlungen. GEWOS-Schriftenreihe B. 18. Hamburg: Hammonia-Verlag.

⁴⁵ См. Wiethüchter Malte (1979). Junge Aussiedler aus Polen. In: Dt. Evang. Arbeitsgemeinschaft für Erwachsenenbildung (DEAE) (Hg.) Umsiedler/Aussiedler: Informationen, Praxisberichte, Erfahrungen. Gelnhausen: Burckhardhaus-Verlag. S. 11–22.

⁴⁶ Zurhause Guido (1983). Aufgabe und Verantwortung von Bund, Ländern und Gemeinden für die Aufnahme und Eingliederung der Aussiedler // Harmsen Hans (Hg.) Die Aussiedler in der Bundesrepublik Deutschland.

трудоустройству учреждает бесплатные языковые и квалификационные курсы⁴⁷. Основанного исключительно на национальной солидарности включения этнических мигрантов в структуру гражданства теперь недостаточно для символического переписывания их миграционной карьеры в нормальную гражданскую биографию.

Сложившееся в середине 1970-х гг. описание миграции в терминах национальной солидарности, скорректированной политической и структурной интеграцией переселенцев, теряет свои символические основы с окончанием холодной войны. Границы с Восточной Европой больше не являются непреодолимой преградой. Отсутствие действующих механизмов миграционного контроля делает этническую миграцию политически неконтролируемым феноменом. В публичном дискурсе она обретает образ массового движения, угрожающего общественному порядку. Первоначально символическая политика реагирует усилением дискуссии об интеграции на основании национальной символики. В особой программе 1988 г. Коль провозглашает интеграцию переселенцев «национальной задачей» Федеративной Республики (см. Puskerpeleit, 1996). Немецкий народ должен воспринимать переселение как «национальную проверку» и рассматривать ее в долгосрочной перспективе как обогащение, а не бремя. Программа предусматривает информирование местного населения о культурных и социальных особенностях приезжающей группы, показ ее положительных характеристик, призывает частные и общественные организации включиться в работу по интеграции.

Против «слепой» политики интеграции выступают города. В рамках ограниченных финансовых, административных и политических ресурсов они заинтересованы в уменьшении количества структурно бедных переселенцев, являющихся скорее балластом, чем обогащением для городских касс. Города первыми стали требовать от федеральных властей действенных инструментов миграционного контроля и обновления законодательной базы, определяющей критерии присвоения статуса репатрианта.

Миграционный поток с Востока:

Anpassung, Umstellung, Eingliederung. Abhandlungen zu Flüchtlingsfragen. Band XII/2 Wien: Wilhelm Braumüller Universitäts-Verlagsbuchhandlung.

⁴⁷ См. Beschluß des Bundeskabinetts über Maßnahmen zur Eingliederung deutscher Aussiedler aus Polen vom 17 März 1976. Цит. по: Haberland Jürgen (Hg.) Eingliederung von Aussiedlern und Zuwanderern. Sammlung von Texten, die für die Eingliederung von Aussiedlern aus den osteuropäischen Staaten und von Zuwanderern aus der DDR und aus Berlin (Ost) von Bedeutung sind. Leverkusen: Heggen-Verlag. S. 59–67.

что значит быть истинным немцем?

Локальные администрации требуют новых стратегий обхождения с миграционным потоком, вышедшим из-под контроля. С одной стороны, городские администрации осознают, что их решение по присвоению гражданского статуса является исключительно символическим актом. Они не в состоянии регулировать приток новых горожан с помощью этого правового механизма. Даже в редких случаях отказа в статусе в распоряжении городов практически нет легальных механизмов и политической поддержки для того, чтобы выдворить «приглашенных» государством переселенцев или направить их в другие города. Городские администрации объявляют чрезвычайное положение. Они публично апеллируют к федеральному правительству с требованием справедливого распределения переселенцев и дополнительной финансовой помощи. В этой публичной кампании особенно активны те города, которые вследствие цепной миграции стали излюбленным местом поселения переселенцев.

Чтобы разгрузить не справляющиеся с обработкой переселения администрации, возвращается к жизни практически забытая послевоенная практика распределения переселенцев при их регистрации в лагерях. Закон о распределении 1989 г.⁴⁸ обязывает всех претендующих на статус репатрианта регистрироваться в федеральных лагерях. При этом все зарегистрировавшиеся, чье существование на территории ФРГ зависит от государственной помощи, обязаны следовать направлению лагерей в указанные им города. Закон легитимируется необходимостью избежать возникновения «социальных очагов с большой концентрацией переселенцев»⁴⁹. Пространственное передвижение переселенцев внутри страны, их место поселения становится вопросом политического регулирования. На символическом уровне, кроме того, изменяется значение пространственной сегрегации этнических немцев: до этого никем не замеченного, а теперь – негативного социального феномена. Закон о распределении не снимает с повестки дня вопрос о федеральном миграционном контроле. С его помощью невозможно ограничить приток новых граждан с Востока.

В 1990 г. вступает в силу закон о приеме переселенцев на территорию ФРГ⁵⁰. Централизованная в 1970-е гг. процедура приема

⁴⁸ Gesetz über die Festlegung eines vorläufigen Wohnortes für Aussiedler und Übersiedler. Vom 6 Juli 1989, Bonn, Bundesgesetzblatt, I, Nr. 35.

⁴⁹ Dr. Horst Waffenschmidt, Aussiedlerpolitik mit Augenmaß. In: Info-Dienst Deutsche Aussiedler, Nr. 77, Bonn, März 1996, S. 2–8.

⁵⁰ Entwurf eines Gesetzes zur Regelung des Aufnahmeverfahrens für Aussiedler (Aussiedleraufnahmegesetz – AAG—), BT-Drs. 11/6937 vom 21.04.1990 // Kraus Rudolf (1994). Die neuen Gesetze zur Aufnahme und Eingliederung von Aussiedlern/Spätaussiedlern. Eine Dokumentation der

перемещается в сферу символической политики. Из административного акта она превращается в политический механизм регулирования этнической миграции. Структурное изменение в процедуре заключается в том, что кандидаты на статус репатрианта больше не имеют права пересекать границу без разрешения на прием. Они должны подавать заявление о приеме в стране исхода и ждать положительного решения Министерства внутренних дел. Закон о приеме переселенцев канализует этническую миграцию, исключая индивидуальные стратегии перехода границ. Статус репатрианта становится не только гражданским статусом, но и механизмом миграционного контроля. Немецкая этничность не только остается центральным критерием гражданства, но и приобретает значение ограничительного миграционного инструмента. Это изменяет восприятие этнической миграции в публичном пространстве. Этнические немцы больше не символизируют национальное единство. Они перестают быть носителями привилегированного гражданского статуса, а образуют подлежащих тщательной проверке кандидатов на доступ к территории и гражданским благам. Миграционный контроль по критерию этнической принадлежности имеет последствия как для политического переопределения статуса репатрианта, так и для социального структурирования миграционного потока.

В партийных дебатах, особенно со стороны левого и социально-демократического блока, возникают сомнения по поводу правомерности сохранения правового статуса репатрианта: созданный для государственной поддержки пострадавших в ходе второй мировой войны, он давно потерял свой смысл; несправедливо распространять его на послевоенные поколения, не несущие биографического груза жертв войны (Ruhrmann, 1994). Сторонники сохранения статуса настаивают на том, что переселенцы, в конечном итоге, являясь немцами в рамках конституционного права, они обогащают страну экономически, культурно и человечески⁵¹. В 1992 г. заключается межпартийный компромисс о предоставлении убежища (Asylkompromiss), который ведет к изменению закона о репатриантах. Новый закон легитимирует этническую миграцию на основании нового правового статуса – «позднего переселенца». На него могут претендовать этнические немцы из Восточной Европы, родившиеся до 1993 г. и индивидуально доказавшие как принадлежность к немецкому

---

wesentlichen Argumente im Gesetzgebungsverfahren. Köln: „Die Heimstatt“.

⁵¹ Rede von parlamentarischen Staatssekretär beim Bundesminister des Inneren Dr. Horst Waffenschmidt, zum Entwurf eines Kriegsfolgenbereinigungsgesetzes (1. Beratung) im Deutschen Bundestag // Info-Dienst Deutsche Aussiedler, Nr. 37, Bonn, November 1992. S. 16–24.

народу, так и историю политического гонения. При этом только кандидаты из стран бывшего Советского Союза освобождаются от индивидуального доказательства политического гонения. Вводится квотирование миграционного потока⁵² и отменяются особые привилегии для переселенцев по воссоединению семьи. Для них действуют те же правила приглашения родственников, что и для всех остальных граждан ФРГ⁵³. Закон закрепляет окончание политики воссоединения немецких семей. В нем отражается символическая делегитимация национальной солидарности. Символическая политика косвенно признает переселение международной миграцией, регулируемой, с одной стороны, типичными миграционными инструментами (квотирование и территориальное распределение), с другой – специфической интерпретацией немецкой этничности.

Новые стратегии миграционного контроля и закон 1992 г. переструктурируют этническую миграцию в Германию. Реальная возможность переселения остается открытой только для этнических немцев из бывших республик Советского Союза. Административная обработка миграции дифференцируется и распределяется между структурами различных федеральных уровней. Министерством внутренних дел осуществляется процедура приема переселенцев. На основании письменного заявления принимается решение о том, имеет ли кандидат право въехать на территорию. При положительном решении кандидат получает разрешение на въезд и после пересечения границы обязан зарегистрироваться в лагере для переселенцев. Там он проходит процедуру распределения, при которой еще раз проверяется обоснованность права на статус позднего переселенца. После этого он направляется в «открытый» город, где ведется окончательная проверка соответствия характеристик кандидата и критериев присвоения статуса. Городские администрации выдают успешно прошедшим все три стадии удостоверение позднего переселенца, на основании которого они имеют право на получение паспорта гражданина ФРГ. На каждой процедурной стадии кандидату может быть отказано в праве на статус. Принципиально то, что вместе с отказом теряется и право нахождения на территории. Все три стадии нацелены на проверку обоснованности индивидуального миграционного мотива. Наличие родственников в ФРГ не считается больше достаточным миграционным мотивом. Кандидаты могут внести в заявление только непосредственных членов семьи и прямых родственников. Но и они получают лишь разрешение на въезд в качестве «потомка» или «иностранца».

---

⁵² Политические дебаты о новом законе см. у Puskeppeleit, 1996.

⁵³ Gesetz zur Bereinigung von Kriegsfolgensetzen (Kriegsfolgenbereinigungsgesetz – KfbG) vom 21. Dezember 1992. In: Info-Dienst Deutsche Aussiedler. Nr. 38, Bonn, Januar 1993, S. 15–39.

Единственным легитимным мотивом миграции является немецкая этничность. *Субъективное* самоотождествление с немецким народом перестает рассматриваться как главный критерий принадлежности. Этничность начинает определяться через «объективные» критерии – происхождение, язык и культуру. Именно они и должны быть индивидуально подтверждены на всех стадиях миграционной процедуры. Происхождение – обязательное, но и самое слабое из доказательств этнической принадлежности. В интерпретативных правовых документах указывается, что отсутствие записи о немецкой национальности в советском паспорте является достаточным условием для отказа в приеме⁵⁴. Немецкого происхождения, однако, недостаточно для положительного решения. Интерпретаторы объясняют это тем, что советские немцы, независимо от их формальной этнической принадлежности, часто ассимилировались в русских культурных сообществах. Немецкая культура и язык должны подкреплять формальную этничность. Убедительно доказанные как в форме письменной декларации, так и в устном разговоре с административными работниками поддержание немецких народных традиций и использование немецкого языка (в кругу семьи, в форме диалекта) – самые веские аргументы при доказательстве этничности. Для более «точного» определения немецкости в 1996 г. вводится устная проверка немецкого языка, проводящаяся чиновниками из Германии в странах исхода⁵⁵.

Инструментальная миграционная политика вырабатывает сложную структуру контроля, при которой тщательно отбираются обладающие «истинной» немецкой этничностью. Игра по определению «истинности» этнической принадлежности ведется по поводу отдельных индивидов, а не групп или публичных идентичностей. Каждый должен индивидуально доказать свою немецкость, ссылки на коллективные идентичности только принимаются во внимание, но не являются достаточными. Этничность становится главным индивидуальным ресурсом в реализации миграционных стратегий. Однако нельзя полагать, что только «истинная» этническая биография определяет успех предприятия. В противодействие усложнению и индивидуализации процедур контроля кандидаты находят новые игровые ходы. Хотя родственные связи прекращают быть легитимным миграционным мотивом, они функционируют как фоновый миграционный ресурс. При

---

⁵⁴ В 2001 г. такая интерпретация этничности закрепляется в новом праве. См. Gesetz zur Klarstellung des Spätaussiedlerstatus (Spätaussiedlergesetz – SpStaG) vom 30. August 2001 // Bundesgesetzblatt, Jg. 2001, Teil I, Nr. 46.

⁵⁵ См. Sprachprüfung im Aussiedleraufnahmeverfahren // Info-Dienst Deutsche Aussiedler, Nr. 83, Bonn, September 1996, S. 4–7.

заполнении заявления на выезд не обходится без помощи уже проживающих в Германии родственников. Они же являются доверенными лицами заявителя в Германии, ведут процессы по пересмотру дела. При заявлении на разрешение о приеме в Германию к одному «истинному» немцу – к одному административному решению о статусе переселенца – как бы приклеиваются другие правовые статусы. Социальные работники называют эту структуру семейственности принципом локомотива. Заявление подает один кандидат, шансы которого велики. В его заявление вписываются все члены расширенной семьи, получающие впоследствии «более низкие», но все же открывающие доступ к территории статусы. В игру по определению немецкости вступают общественные организации как в странах исхода, так и в Германии. Они заверяют и обещают, подтверждают и проводят экспертизу по определению пригодности кандидата. Судебные решения также играют немаловажную роль. Они корректируют интерпретации администрации, создают прецеденты. Введение миграционного контроля превращает миграцию в сложный социальный механизм, производящий особую миграционную карьеру переселенцев и поставляющий для нее все новых и новых кандидатов.

Миграционная карьера этнических немцев

Символическая делегитимация этнической миграции отражается в институциональном расширении миграционной карьеры. На фоне риторики миграционного контроля и тщательной проверки индивидуальных мотивов администрациям становится все сложнее брать на себя ответственность за решение о присвоении статуса. Ответственность перераспределяется на все административные уровни: федеральный, земельный, городской. Решение растягивается во времени. Так возникает миграционная карьера, «успешность» которой определяется множеством социальных предпосылок. Она начинается еще в стране исхода обнаружением индивидуального миграционного мотива при заявлении о принятии на территорию. До момента пересечения границы проходит несколько лет. Миграционная карьера продолжается в Германии при прохождении всех административных процедур и пространственном перемещении из одного лагеря в другой и, в конечном итоге, при попадании в городское общежитие. Она не заканчивается и с получением немецкого паспорта.

Изменение символической политики по отношению к этнической миграции ведет к упразднению институциональных подпорок (особых прав и привилегий), при помощи которых миграционная карьера репатриантов долгие годы подтягивалась к структурным показателям нормальной гражданской биографии. Устранение особых гражданских

привилегий объясняется в публичном пространстве необходимостью исключить экономическую привлекательность переселения. Кроме того, особые гражданские привилегии начинают рассматриваться как противоречащие конституционному праву, дискриминирующие коренное население меры. Распространяется убеждение, что отмена привилегий улучшит социальный имидж приезжающих: она уменьшит предрассудки местного населения, считающего переселенцев иждивенцами государства благосостояния. Наиболее дискутируемыми мерами были сокращение длительности языковых курсов и вступление в силу особого закона об иностранных пенсиях, по которому стаж работы в иностранном государстве больше не засчитывается в полном объеме. Отмена мер по корректировке миграционной карьеры переносит связанные со сменой государства социальные риски (безработица, изоляция и пр.) из сферы заботы политики в сферу индивидуальной ответственности. Социальный успех или неудача объясняются индивидуальными характеристиками и усилиями мигрантов. Миграционная карьера продлевается, таким образом, индивидуальной историей структурного восхождения или падения. Одновременно с индивидуализацией социальных рисков переселенцев начинают распознавать как особую социальную группу: как успешных или находящихся на грани социального провала индивидов с особой биографией. При этом «успешные» описываются как «мост дружбы и контактов между народами Восточной Европы и Запада, гарант мирной Европы», а социально слабые – как культурно чужие, не говорящие на немецком языке и отказывающиеся принимать устои современного западного общества⁵⁶. Символическая политика подтверждает их увеличивающуюся чуждость немецкой культуре и обществу статистикой правовых статусов, получаемых мигрантами. Число поздних переселенцев постоянно уменьшается, а число «родственников других национальностей», наоборот, увеличивается. «Если в 1993 г. доля «переселенцев» среди всех въезжающих составляла 74 %, то к настоящему времени она опустилась ниже 27 %⁵⁷».

Итак, в публичном пространстве миграционной карьере переселенцев начинают приписываться особые характеристики. Она маркирует социально слабых граждан с разорванной биографией, пронизанной индивидуальными, культурными, языковыми отличиями. Миграционная карьера связывается с риском социальной деградации, преодолеть которую

---

⁵⁶ Rede von Bundeskanzler Kohl auf dem 26. Bundestreffen der Landsmannschaften der Russlanddeutschen. In: Info-Dienst Deutsche Aussiedler. Nr. 97, Bonn, Juni 1998, S. 1–10.

⁵⁷ Из речи государственного уполномоченного по делам переселенцев, Jochan Welt 2001.

могут только немногие. При счастливом исходе она символизирует биографию, объединяющую две культуры, два государства, два языка.

Социальные последствия миграционной политики

- *А вот для вас, коренных, мы кто – русские или немцы?*
- *Лично для меня вы, аусзидлеры из России – немцы. Я так воспитан, я знаю историю.*
- *А для других?*
- *Для многих, кто помоложе, вы, конечно, русские. Они же не знают вашей истории, не знают, что вы в лагерях сидели, не знают, что в ваших паспортах записи были – «немец».*
- *А может, не хотят знать?*
- *Их так воспитали, – говорит Альгемайер. Многие сейчас считают, что немец только тот, кто родился в Германии.*

Александр Фитц, 1997⁵⁸

Ослабление территориального контроля и необходимость сохранения эксклюзивного доступа к гражданским правам спровоцировали символическое переопределение этнической миграции. Опиравшийся исключительно на принцип единого происхождения и культуры, национальный миф потерял свою символическую силу. Это выразилось в сужении путей доступа к гражданству для этнических немцев. Достойных граждан стали определять по принципу территориальной солидарности, основанному на критериях политического участия и социальной благонадежности. Новое символическое самописание немецкого государства как территориального сообщества не оставило места для достойного переопределения этнической миграции. «Новая Германия», с одной стороны, сохранила право на гражданство на основании критерия этнической принадлежности. Для переселенцев это означало усиление «проверки на этничность». Из политической символики этничность перекочевала в формализованный административный критерий миграционного контроля. В то же время Германия отказалась от конструирования нормальных гражданских биографий и превратила репатриантов в социально слабую категорию. Она опубличила миграционную карьеру и приписала ей особые культурные характеристики. Статус переселенца, с правовой точки зрения, остался гражданским; с социальной – он стал маркировать миграционную группу с отличительными культурными характеристиками, с одной стороны, но и с ярко выраженной традиционной этнической идентичностью, с другой.

---

⁵⁸ Ost-West Dialog. Das Magazin für Rußlanddeutsche. Jg. 3 12/97, S. 48–49.

Неоднозначность символического описания миграции и мигрантов породила публичное недоумение и множество политических версий о том, как же нужно определять этнических немцев и обходиться с ними. Центральным становится вопрос о том, кто же такие переселенцы и как с ними работать. Они – немцы и не совсем немцы. Они – мигранты, которые не должны быть мигрантами. Они свои и чужие одновременно. Одна версия подчеркивает проблемы интеграции, выраженные в высокой пространственной и социальной сегрегации, ухудшении знаний языка, вызывающем поведении молодежи (преступности, наркомании, вандализме), увеличении культурной дистанции, особенно в национально смешанных семьях⁵⁹. Другая опирается на изменение социального состава приезжающих и этим объясняет сложности работы с группой. Третья версия упирает на утерю этнических корней и «нарушение языковых структур русских немцев»⁶⁰, из чего делается вывод о необходимости этнического возрождения в странах исхода⁶¹. Четвертая диагностирует «социальную шизофрению», раздвоение личностей и судеб вследствие двойного стандарта политики: «Разделение приезжающих на переселенцев и членов семьи, на немцев и иностранцев ведет к смятению высокой степени, дезориентации, неуверенности и унижению упомянутых лиц, к необходимости длительных консультаций и социального обслуживания, к материальным проблемам, к объективным и субъективным трудностям в интеграции»⁶². Пятая предупреждает желающих выехать о том, что их ожидает «непонимание окружающих, трудное приживание в новой среде, поиск работы и многое другое»⁶³. Все эти версии, независимо от того, насколько близкими или далекими к немецкой реальности и культуре они воспринимают этнических немцев, опираются на представление о неполноценной социальной группе: ментально раздвоенной, культурно или социально выделяющейся. И это главное превращение, произведенное государством благосостояния, отказывающимся от монополии на символическое определение миграции.

---

⁵⁹ Jochen Welt, *Aussiedlerpolitik 2000. Integration in Deutschland – Hilfen in den Herkunftsländern*. Info-Dienst Deutsche Aussiedler. Sonderausgabe. Nr. 103, September 1999.

⁶⁰ Dr. Horst Waffenschmidt, *Punktation zur Versachlichung der Aussiedlerdiskussion (Zusammenfassung)* // Info-Dienst Deutsche Aussiedler, Nr. 77, Bonn, März 1996, S. 9–19.

⁶¹ Rede von Dr. Lothar Wittmann, Leiter der Kulturabteilung des Auswärtigen Amtes, über die Sprachförderung in Mittel- und Osteuropa. In: Info-Dienst Deutsche Aussiedler, Nr. 47, Bonn, November 1993, S. 1–14.

⁶² Warum Spätaussiedler in Deutschland zwischen allen Stühlen sitzen. Frankfurter Rundschau vom 27.09.1999.

⁶³ Haak Waldemar (1997) *Ratgeber für das Aufnahmeverfahren von Spätaussiedlern*. Kniga: Konstanz.

Национальное государство и международная миграция

Целью нашего исследования было показать роль государства в конструировании миграции через выстраивание границы между «своими» и «чужими». Первоначально на основании аналитического расчленения политики на символическую и инструментальную мы определили особенность миграционной политики ФРГ. На символическом уровне Германия не признает наличие легитимных миграций на свою территорию, в ней отсутствует политический статус мигранта. На уровне инструментальном она регулирует миграционные потоки. Социальные последствия такой миграционной политики мы рассмотрели на примере этнической миграции из восточно-европейских стран. Результаты эмпирического анализа можно резюмировать в таблице (см. след. стр.).

Попробуем проинтерпретировать эти результаты на более абстрактном уровне. Международные миграции не провоцируют публично релевантные социальные проблемы и культурные различия между мигрантами и коренным населением *per se*. Появление миграций в публичном пространстве зависит от политической констелляции, в которой они обрабатываются государством.

Символическая политика доступа к гражданству, использующая фильтр национальной принадлежности, обращает пересечение границ – доступ к территории – в социально и политически нерелевантный феномен. Миграции не проявляются на поверхности политики, видимой публике. Они не являются темой публичного обсуждения. Солидарности, основанные на территориальных социальных связях, не определяют формальное участие в гражданстве. За кулисами символической политики действуют механизмы инструментальной обработки миграций. В них, напротив, территориальная принадлежность играет центральную роль: права вступают в действие только при нахождении на территории, территориальное передвижение мигрантов внутри страны имеет прямые последствия для работы локальных администраций. В рамках символики национальной принадлежности инструментальная политика не в состоянии регулировать доступ к территории, но ответственна за производство социальных связей фактических мигрантов в локальных политических сообществах. В зависимости от успешности инструментальной обработки миграции новоприбывшие воспринимаются как «свои» или «чужие» в локальных социальных контекстах. По всей видимости, инструментальной политике долгое время удавалось обрабатывать этническую миграцию таким образом, что этнические немцы растворились в локальных политических сообществах.

	Миграционная политика в период холодной войны	Миграционная политика после падения Берлинской стены
Символическая политика	Сильная национальная солидарность – «политика воссоединения немецкого народа», привилегированный гражданский статус репатрианта	Сильная территориальная солидарность – политика контроля доступа к гражданским благам через контроль доступа к территории
Инструментальная политика	Воссоединение семьи	Статус переселенца как механизм миграционного контроля
Социальные последствия	Невидимая публике административная обработка миграционных карьер и конструирование нормальных гражданских биографий	«Опубличивание» миграционной карьеры переселенцев, отсутствие монопольного описания миграции в публичном пространстве, переселенцы – неполноценная социальная группа

Символическая политика, оперирующая территориальной компонентой гражданской солидарности, связывает пути доступа к территории с доступом к гражданским правам. Контролируя государственные границы, она контролирует и эксклюзивность гражданской солидарности. Миграции становятся в этой связи центральным элементом политической деятельности, камнем преткновения в политических дискуссиях и партийном противостоянии. Регуляция доступа к территории становится вопросом не только символической, но и инструментальной политики. Задача последней – определить истинные миграционные мотивы и подходящие характеристики мигрантов. Миграционная процедура становится индивидуальной проверкой на «прочность». Перенесение центра тяжести инструментальной политики на регуляцию миграции снимает с нее обязательство заботиться о дальнейшей судьбе попавших на территорию: при изначальном выборе пригодных необходимость производить пригодность как бы снимается. Установление локальных солидарностей и социальных связей становится индивидуальной проблемой приезжающих. Она описывается в публичной сфере проблемой интеграции мигрантов в принимающее общество.

Особенностью государственного обхождения с этническими мигрантами в контексте открытых границ является утеря монополии символической политики на их публичное описание. Множественность

публичных интерпретаций миграции исходит из парадоксальной ситуации «приема» этнических немцев. С одной стороны, усиление территориального принципа солидарности делегитимирует этническую миграцию. С другой стороны, оно делает этнический принцип инструментом миграционного контроля и ужесточает требование этнической принадлежности. Таким образом, отбор ведется по «исключительно этническим» признакам, хотя принадлежность к гражданскому сообществу легитимируется критериями территориально ограниченного социального участия. Возникает вопрос: являются ли «новые граждане» действительными гражданами? И если нет, то в чем состоит неполноценность их гражданства? Символическая политика не в состоянии дать однозначного ответа на эти вопросы.

В основе распространенных интерпретаций гражданской неполноценности этнических мигрантов лежит политически пригодное представление о возникновении и способах решения социальных проблем. Территориально солидаризированное государство определяет гражданство как механизм включения индивидов в сообщество равных. Политика, не способная реализовать социальное, политическое и правовое равенство для некоторых групп, ищет способы публично признанного оправдания. Она описывает граждански «слабые» группы в терминологии «риска» и «социальной заботы».

Социально слабые граждане вступают под особое наблюдение государства потому, что они подозреваются в утере лояльности. Они как бы отказываются играть по установленным правилам. Государство заинтересовано контролировать исключенных: чем больше их число, тем менее легитимно право на создание правил игры (правовых норм) и на контроль (право на легитимное насилие). Исключенные показывают своим публичным присутствием, что установленный государством порядок не функционален, он не ведет к всеобщему благу. Исключение из гражданского участия – игра, опасная для государств с ярко выраженным принципом территориальной солидарности. Вследствие этого этнические мигранты воспринимаются и описываются не только как «группы риска», но и как группы особой государственной заботы, нацеленной на возвращение их в нормальное гражданство.

Предпринимая меры по «интеграции» исключенных в сообщество действительных граждан, политика наглядно показывает свои старания поддержать и восстановить общественное благо. Политические интеграционные усилия отличаются, однако, от административного производства территориальной солидарности в период невидимой регуляции миграции. Превращая этнических немцев в группы защиты, государство символически переопределяет источники социального исключения. Они перекладываются на индивидуальные или групповые характеристики мигрантов. Перемещение фокуса государственной

заботы с производства равенства в рамках национального единства на манифестацию преодоления неравенства в рамках единых гражданских прав обосновывает исключение мигрантов из «нормального гражданства».

Национальное государство не реагирует на миграционные потоки и присутствие мигрантов на своей территории. Оно активно участвует в структурном и символическом производстве миграции и легитимации обусловленного миграцией неравенства.

Заключение

В немецкоязычной социологической дискуссии изменение в социальном статусе переселенцев обычно объясняется двумя факторами. Критически настроенные по отношению к государственной политике авторы утверждают, что проблемы интеграции русских немцев лежат в отсутствии действенных государственных интеграционных программ. Другая позиция, наоборот, делает акцент на изменившихся социальных характеристиках приезжающих: они трудно ассимилируемы прежде всего потому, что не знают языка и современной немецкой культуры. Обе интерпретации ставят в центр анализа социальные проблемы интеграции переселенцев. Такая формулировка исследовательской проблемы, независимо от способов ее объяснения, воспроизводит публичный дискурс о неполноценной социальной группе. Она игнорирует роль государства в символическом создании культурных границ и социального неравенства.

Данная статья являет собой противовес «методологическому национализму» объяснения миграционной проблемы. Мы попытались показать политическую и историческую обусловленность возникновения социальной проблемы – миграции. Именно на примере научной дискуссии об этническом переселении можно наблюдать, что игнорирование роли государства при изучении международных миграций отнимает у социологического объяснения возможность дистанцироваться по отношению к политическому описанию феномена. Методологический национализм вольно или невольно делает социологов протагонистами государственного взгляда на миграцию. Проблема при этом заключается не столько в некритичности этаблированной миграционной социологии, сколько в отсутствии конструктивных альтернативных концепций обхождения с международной миграцией и социальным исключением, которые могла бы предложить социальная наука.

Альтернативой методологическому национализму не может служить и социологический подход изучения индивидуальных миграционных стратегий. Мы установили, что они обретают форму миграционного

ресурса и социальное значение при определенных политических условиях. Особенно при изучении международных миграций нельзя забывать о том, что государственная граница является не просто преградой, которую нужно преодолеть; а паспорт – не просто целью некоторых мигрантов. За государственной границей и национальным паспортом скрываются основания политической сферы. Поэтому индивидуальные миграционные стратегии нужно рассматривать как политически значимую реакцию на фильтры социальной принадлежности, выставляемые современными гражданскими сообществами.

Завершая оценку теоретической слабости социологических подходов в изучении международных миграций, нельзя отказаться от самокритики. Представленное выше описание роли государства в производстве социальных различий подвержено опасности систематически переоценивать место политики в конструировании реальности. На примере миграции этнических немцев можно показать постоянную работу и относительную успешность политики в создании социальных принадлежностей. Однако с помощью этого примера нельзя анализировать ее вес по отношению к другим социальным силам, определяющим участие в гражданстве. Перспективы анализа «государственного конструирования реальности» заключаются не только в исследовании его конституирующей силы, но и в исследовании слабости формальных правовых норм, административных действий и публичных заявлений. В социологической дискуссии о соотношении государства и международной миграции должны появиться описания феноменов символической политики, оборачивающейся против самой себя; администрации, отказывающейся администрировать, и мигрантов, реализующих свои жизненные планы вне любых политических категорий. Российское государство является, по моему мнению, благодатным объектом для таких исследований.

***

- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
- Бородкин Ф.М. Социальные эксклюзии // Социологический журнал. 2000. № 3–4, <http://www.nir.ru/socio/scipubl/sj/sj3-4-00brod.htm>
- Волков В. Монополия на насилие и скрытая фрагментация российского государства: исследовательская гипотеза // Полис. 1998. № 5.
- Ильин В. Теории социального неравенства в западной социологии: Хрестоматия. 2000SOCNET
- Arendt H. Es gibt ein einziges Menschenrecht // Höffe Otfried u.a. (Hg.) Praktische Philosophie. Ethik 2. Weinheim: Beltz S. 1981. S. 152–167,
- Ballweg E. Das Notaufnahmegesetz. Ein unanwendbares und undwirksames Gesetz // Öffentliche Verwaltung. Zeitschrift für Verwaltungsrecht und Verwaltungspolitik. 1952. Juli. S. 401–402.

- Baraulina T. Integrationskonzepte der deutschen Migrationssoziologie. Das Problem der ‚Aussiedler‘. Diplomarbeit, vorgelegt im WS 1998/99 an der Universität Bielefeld, Fakultät für Soziologie. 1999.
- Bommers M. Migration und Lebenslauf. Aussiedler im nationalen Wohlfahrtsstaat // Sozialwissenschaften und Berufspraxis. 2000. Jg. 23, H. 1. S. 9–29.
- Brubaker W.R. (Ed.) Immigration and the Politics of Citizenship in Europe and North America. London: All University Press of America, 1989.
- Dammann K. (Hg.) Die Verwaltung des politischen Systems : neuere systemtheoretische Zugriffe auf ein altes Thema. [Niklas Luhmann zum 65. Geburtstag] Opladen: Westdt. Verl., 1994.
- Delf S. Heimatvertriebene, Aussiedler, Spätaussiedler. Rechtliche und politische Aspekte der Aufnahme von Deutschstämmigen aus Osteuropa in der Bundesrepublik Deutschland // Aus Politik und Zeitgeschichte. B48/93 26 November 1993. S. 3–11.
- Grimm D. Die sozialgeschichtliche und verfassungsrechtliche Entwicklung zum Sozialstaat // Koslowski, Peter; Kreuzer, Philipp; Löw, Reinhard (Hg.) Chancen und Grenzen des Sozialstaates. Tübingen: Mohr., 1983. S. 41–64.
- Heinelt H., Lohmann A. Immigranten im Wohlfahrtsstaat. Am Beispiel der Rechtspositionen und Lebensverhältnisse von Aussiedlern. Opladen: Leske + Budrich, 1992.
- Hinken G. Die Rolle der Staatsangehörigkeit bei der Konzeption des Grundgesetzes // Thranhardt Dietrich (Hg.) Einwanderung und Einbürgerung in Deutschland: Jahrbuch Migration – Yearbook Migration 1997/98. Münster: LIT, 1998. S. 179–264.
- Klepowski von Koppenfels A. Politically Mindes: The Case of *Aussiedler* as an Ideologically Defined Category. In: Hunger, Uwe u.a. (Hg.) Migration in erklärten und ‚unerklärten‘ Einwanderungsländern: Analyse und Vergleich. Münster: LIT, 2001. S. 89–120.
- Lepsius M.R. Interessen, Ideen und Institutionen Opladen: Westdt. Verl., 1990.
- Lüttinger P. Integration der Vertriebenen: eine empirische Analyse. Frankfurt/Main: Campus-Verl., 1989.
- Marshall Th.H. Bürgerrechte und soziale Klassen: Zur Soziologie des Wohlfahrtsstaates. Campus: Frankfurt am Main, (1992) [1950].
- Noiriel G. Die Tyrannei der Nationalen: Sozialgeschichte des Asylrechts in Europa Lüneburg: zu Klampen (Фр.: La tyrannie du national). 1994.
- Otto K.A. Aussiedler und Aussiedler-Politik im Spannungsfeld von Menschenrechten und Kaltem Krieg. Historische, politisch-moralische und rechtliche Aspekte der Aussiedlerpolitik // Otto Karl A. (Ed.) Westwärts – Heimwärts? Aussiedlerpolitik zwischen «Deutschtümmelei» und «Verfassungsauftrag». Bielefeld: AJZ Verlag, 1990. S. 11–68.
- Parsons T. Structure and Process in Modern Societies. New York: Free Press, 1960.
- Puskeppeleit J. Der Paradigmenwechsel der Aussiedlerpolitik – Von der Politik der „nationalen Aufgabe» zur Politik der „Eindämmung der Zu- und Einwanderung und der Konkurrenz- und Neidbewältigung» // Graudenz, Ines (u.a.) (Hg.) Forschungsfeld Aussiedler: Ansichten aus Deutschland. Frankfurt am Main: Lang, 1996. S. 99–121.
- Räthlen N. Aussiedler and Ausländer. Transforming German National Identity // Social Identities. 1995. Vol. 1 No. 2. P. 263–282/

- Ruhmann U. Reformen zum Recht des Aussiedlerzuzugs. Berlin: Ducker und Humbolt, 1994.
- Soysal Y.N. Limits of Citizenship: Migrants and Postnational Membership in Europe/ Chicago: Univ. of Chicago Press, 1994.
- Takenaka A. Nation und Staatsbürgerschaft in Japan und Deutschland. Eine Replik auf Rogers Brubaker // Zeitschrift für Soziologie. J. 23. 1994. Nr. 5. S. 345–363.
- Treppert F. Die Rechtsstellung der „Deutschen ohne die deutsche Staatsangehörigkeit« im Sinne des Artikels 111 Abs. 1 des Grundgesetzes. München, 1969.